

Гилемшин Флер Фоатович

КОСМОНИМЫ "СОЛНЦЕ", "ЛУНА", "МЕСЯЦ" В НАУЧНОМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, МИФОЛОГИЧЕСКОМ И СИМВОЛИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СКАЗОК "ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ")

В статье дается разносторонний анализ дефиниций космонимов "солнце", "луна", "месяц" в научном, лингвистическом, мифологическом и символическом аспектах. Использован также частотный параметр исследования космонимов: статистические данные употребления того или иного космонима в тексте сказок раскрывают смысловой акцент, приоритетность того или иного космонима перед другими.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 94-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

отводится звуко-символической метафоре. Неослабевающий интерес к проблематике звучащей речи наблюдается особенно явно в последние десятилетия. Ученые-лингвисты предпринимают попытки установить фоносемантическое значение звука, эмоционально-оценочную значимость, природу его смысловых ассоциаций, психолингвистическое влияние на человека.

Список литературы

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 607 с.
2. **Вершинина М. Г.** Диалектная звуковая картина мира: зоофоносфера (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. 2. С. 58-60.
3. **Вершинина М. Г.** Диалектная звуковая картина мира: социофоносфера (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29). Ч. 2. С. 60-62.
4. **Воронин С. В.** Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. 244 с.
5. **Гинзбург Е. Л.** Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985. 223 с.
6. **Ефимов А. И.** Стилистика художественной речи. М.: Издательство МГУ, 1957. 448 с.
7. **Золян С. Т.** К проблеме описания поэтического идиолекта (на материале поэзии Л. Мартынова) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 6. С. 60-73.
8. **Левницкий В. В.** Семантика и фонетика. Черновцы: Изд. Черновицкого универ., 1973. 103 с.
9. **Михалев А. Б.** Теория фоносемантического поля. Краснодар: КГУ, 1995. 213 с.
10. **Платон.** Кратил // Платон Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 860 с.
11. **Пушкин А. С.** Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная лит-ра, 1980. Т. 1. Библиотека классики. 814 с.
12. **Рудь Е. Е.** Фоносемантика и типология // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 166-169.
13. **Сепир С.** Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 26-195.
14. **Томашевский Б. В.** Стих и язык. М.: ГИХЛ Язык, 1959. 473 с.
15. **Цветаева М. И.** Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1991. 688 с.
16. **Якобсон Р. О.** Звук и значение // Фоносемантические идеи зарубежного языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 178-185.
17. **Grammont M.** Traite de phonetique. P.: Libr. Delagrave, 1965. 415 p.
18. **Jespersen O.** Symbolic Value of the Vowel "i" // Philologica. London: G. Allen & Unwin Ltd., 1922. P. 53-68.

PHONO-SEMANTIC MEANS TO REPRESENT THE MEANING-TONALITY IN A LITERARY TEXT

Vyguzova Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology
Glivenkova Ol'ga Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Evenko Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
 Tambov State Technical University
 nazarova33-1975@mail.ru

The article aims to identify the symmetry of sound symbolic relation between the sound of a word and its meaning, arising due to sound symbolism phenomenon. The authors analyze the basic phono-semantic means discovering the sound symbolic importance of a meaning-tonality in the text. The paper shows the peculiarities of creating symbolic sound metaphor as a basic means to represent the meaning – tonality which is considered as a linguistic category of expressivity and evaluation.

Key words and phrases: phono-semantic means; meaning-tonality; symbolic sound; representation; sound symbolism; symbolic sound metaphor.

УДК 811

В статье дается разносторонний анализ дефиниций космонимов «солнце», «луна», «месяц» в научном, лингвистическом, мифологическом и символическом аспектах. Использован также частотный параметр исследования космонимов: статистические данные употребления того или иного космонима в тексте сказок раскрывают смысловой акцент, приоритетность того или иного космонима перед другими.

Ключевые слова и фразы: космонимы; солнце; луна; месяц; звезда; полнолуние; небесное тело; спутник земли; четырнадцатая ночь.

Гилемшин Флер Фоатович, к. филол. н., доцент
 Академия наук Республики Татарстан
 Fler.Gilemshin@yandex.ru

КОСМОНИМЫ «СОЛНЦЕ», «ЛУНА», «МЕСЯЦ» В НАУЧНОМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, МИФОЛОГИЧЕСКОМ И СИМВОЛИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»)

Сборник сказок «Тысяча и одна ночь» на протяжении многих столетий был и остается неисчерпаемым источником мудрости, знания о жизни средневекового арабского Востока.

Сказки очень разнообразны по содержанию. Среди их героев фигурируют представители различных социальных слоев: правители, ремесленники, моряки, богачи, бедняки. Они попадают в различные сложные жизненные ситуации, но умные, ловкие герои всегда находят выход из любого затруднительного положения.

Трудно представить себе изображение жизни в восточных сказках без картин с описанием окружающей среды: солнца, луны, деревьев, цветов, пения птиц, шелеста травы, дуновения ветра и др. Рассказчик часто прибегает к описанию различных явлений природы, акцентируя внимание читателя на психологическом состоянии персонажа или создавая, например, эмоциональный фон, на котором разворачивается то или иное действие.

Исследование частотного параметра дает нам возможность утверждать, что в текстах сказок «Тысяча и одна ночь» лексические космонимы встречаются часто: *солнце* – 24 раза, *луна* – 18 раз, *месяц* – 58 раз, *звезда* – 9 раз, названия планет Солнечной системы: *Марс* – 1 раз, *Меркурий* – 1 раз, а также *небо* – 19 раз, *небосвод* – 4 раза. Они используются для достижения различных авторских целей: описания красоты или могущества персонажа, обозначения времени суток и т.д. При этом учитываются и научные дефиниции космонимов. Так, научная дефиниция космонима *солнце* следующая: «Солнце – центральное тело Солнечной системы, представляет собой раскалённый плазменный шар; Солнце – ближайшая к Земле звезда... Солнце является в конечном счёте источником всех видов энергии, которыми пользуется человечество (кроме атомной энергии). Это – энергия ветра, падающей воды, энергия, выделяющаяся при сгорании всех видов горючего. Весьма многообразно влияние солнечной активности на процессы, происходящие в атмосфере, магнитосфере и биосфере Земли» [1, т. 24, с. 150-153].

Научные дефиниции космонимов *луна* и *месяц* представляются следующим образом: *Луна* – единственный естественный спутник Земли и ближайшее к нам небесное тело... Форма очень близка к шару с радиусом 1737 км [Там же, т. 15, с. 60]. *Месяц* – промежуток времени, близкий к периоду обращения Луны вокруг Земли. В григорианском календаре год делится на 12 месяцев продолжительностью от 28 до 31 суток, не согласованных с фазами Луны [Там же, т. 16, с. 111].

Что касается научной дефиниции космонима *звезда*, то она следующая: *Звезда* – самосветящееся небесное тело, состоящее из раскалённых газов, по своей природе сходное с Солнцем [Там же, т. 9, с. 422]. См. также: *Звезда* – излучающий свет массивный газовый шар, удерживаемый силами собственной гравитации и внутренним давлением, в недрах которого происходят (или происходили ранее) реакции термоядерного синтеза [3].

Лингвистические дефиниции космонимов *солнце*, *луна*, *месяц*, *звезда* даны в толковых словарях и основаны на научных дефинициях.

Солнце – 1. *только ед.* Центральное небесное светило нашей планетной системы, представляющее собою гигантский раскалённый шар, излучающий свет и тепло. 2. *только ед.* Свет, тепло, излучаемые этим светилom; 3. *перен.; только ед.* о ком-чём-н. очень дорогое, ценное, являющемся источником жизни, счастья для кого-н.; источник, средоточие чего-н. [9, т. 4, с. 373].

Луна – 1. *только ед.* Ближайшее к земле небесное тело, спутник земли, вращающийся вместе с нею вокруг солнца и светящийся по ночам отраженным солнечным светом. 2. Спутник любой планеты. 3. Период времени от новолуния до новолуния (*поэт.; устар.*) [Там же, т. 2, с. 96].

Месяц – 1. Единица исчисления времени – каждая из двенадцати частей, на которые разделяется астрономический год; 2. То же, что луна (*простореч. и поэт.*). *Молодой месяц* – луна в первой четверти, недолго остающаяся на небе [Там же, с. 194].

Помимо прямого значения лексемы *звезда* как небесного тела, в лингвистических словарях даются и переносные значения, в которых она употребляется: *Звезда* – 1. // *Перен.* Судьба, участь; счастье, удача. 2. *Перен.* О человеке, прославившемся чем-либо; о знаменитости [7, т. 3, с. 1133-1134].

Мифологическая и символическая дефиниции космонимов *солнца*, *луны*, *месяца*, *звезды* / *звёзд* раскрываются, например, авторами «Энциклопедии символов, знаков и эмблем», которые отмечают «дуализм Солнца – Луны как носителей полярных качеств: солнечная страсть героического характера ассоциируется с мужским началом; холодная зыбкая природа лунного света, связанного с водами океана», – с женским началом [11, с. 461]. Продолжая доказательства по символическому признаку «мужское – женское», авторы пишут, что «культ предков и культ Солнца связаны во многих культурах как символы защиты и спасения. Солнце как активный принцип творения ассоциируется со светом, огнем, факелом, луком, стрелой, а также с конем, быком, львом и другими зверями, в которых подчеркнута выражен мужской принцип. В человеке солнце ассоциируется с рефлексией, силой воли, реалистичностью. Женские качества: воображение, чувство и восприятие – управляются Луной» [Там же, с. 462].

Главные понятия солнечного символизма – это божественное око (в исламе Солнце – око Аллаха [Там же, с. 461]), героический образ, активное начало, источник жизни, энергии, источник высших ценностей. Символизм Луны раскрывается через связь с женским началом. Луна – владычица женщин [6, с. 479-484]. Открытая вверх дуга лунного серпа означает женское начало в мире [11, с. 295]. Месяц символизирует плодородие (поэтому женщины и домашние животные носили на шее подвеску с изображением маленького месяца) [12, с. 179-180].

Символизм звезды связан с астрологическим воззрением на космос и выражается в том, что через «язык» звезды можно интерпретировать происходящее на земле, судьбу человека. Согласно астрологии, по расположению небесных светил якобы возможно предсказывать исход предпринимаемых действий, а также будущее отдельных людей и целых народов. Астрология возникла в глубокой древности в результате обожествления небесных светил и загадочных для древних людей небесных явлений – таких как движение планет, Луны,

Солнца, затмения и т.п. Кажущаяся причинная связь между положениями небесных светил и явлениями природы и породила идею о сверхъестественном влиянии небесных светил на жизнь людей [1, т. 2, с. 342-343]. Астрология богата символическими и знаковыми аналогиями [11, с. 182] и основана на интерпретации планетарных и звездных конфигураций [Там же, с. 54].

В сказках «Тысяча и одна ночь» лексема *солнце* использована в основном для обозначения времени суток. Однако при этом используется метафора, и солнце представлено в символическом значении (как живое существо): оно может *встать, подняться, уйти, скрыться* и т.п.: «*солнце приветствовало*», «*солнце засияло*», «*солнце взошло*», «*встает солнце*», «*распространилось солнце над холмами*», «*пожелтело солнце*», «*солнце скрылось*», «*солнце уходит*» и т.д.:

«Что же касается Али-Баба, то когда Аллах засветил утро, и оно озарило землю своим светом, и заблестало, и *солнце приветствовало красу всех прекрасных*, он пробудился от сна и сладостных грез, облачился в свои одежды и вышел, собираясь направиться в баню» [10, с. 23].

«Она приходит сюда раз в день, когда *встает солнце...*» [Там же, с. 3].

«И он отправился в свой дом (а было это в конце дня, когда *пожелтело солнце*) и постучал в ворота, и вышла его мать, и открыла ворота, и увидела своего сына, который стоял перед нею» [Там же, с. 9].

«И наступило утро, и засияло светом, и заблестало, и *взошло солнце* над холмами и долинами...» [Там же, с. 11].

«И *поднялось* надо мной *солнце*, и я проснулся на острове и увидел, что ноги у меня распухли, но пошел, несмотря на то что со мной было, то ползая, то волочась на коленях...» [Там же, с. 10].

«И я стал придумывать, как бы мне проникнуть туда (а приблизилось время конца дня и *заката солнца*), и вдруг *солнце скрылось*, и воздух потемнел, и всё померкло» [Там же].

Как было замечено выше, образ солнца в восточных повествованиях чаще всего связывается с мужским началом. Но случаются и исключения. Большой интерес представляют в сказках «Тысяча и одна ночь» примеры с использованием лексемы *солнце* в контексте описания женской красоты, а сама женская красота восточной девушки рисуется через оригинальные сравнения. При этом в данном случае акцент ставится на светоносности, лучезарности женского образа:

«И с ним была каирская девушка, подобная свежему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и *лицо ее смущало сияющее солнце*: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами...» [Там же, с. 15].

Описания женской красоты в сказках «Тысяча и одной ночи» звучат очень утонченно и изысканно; при этом рассказчик использует богатый на образы и символы лексический состав слов. Знакомясь с этими описаниями, читатель живо рисует в своем воображении тот образ девушки, который старался передать рассказчик. Последними штрихами к рисунку служат уже субъективные детали, которые добавляет сам читатель в завершении образа. Именно эти описательные части повествования являются наиболее очаровывающими, притягательными. В некоторых примерах наблюдается усиление эмоционально-экспрессивных оттенков сравнения; в них красота девушки готова затмить само солнце:

«И когда он так сидел, вдруг приехал на рынок персиянин, который сидел верхом на муле, а сзади него сидела девушка, похожая на чистое серебро, или на палтус в водоеме, или на газель в пустыне. *Ее лицо смущало сияющее солнце*, и глаза ее чаровали, а грудь походила на слоновую кость; у нее были жемчужные зубы, втянутый живот и ноги, как концы курдюка, и была она совершенна по красоте, прелести, тонкости стана и соразмерности» [Там же, с. 16].

В этих контекстах солнце представлено в символическом значении, олицетворяя «мужское начало».

Красота человека всегда напоминает образы природы. В восточной литературе существует большое количество сравнений, уподобляющих красоту женщины красоте природы: красивая как цветок, как нефрит; лицо прекрасно, как цветок, как луна; кожа блестит ярче снега; тонкая талия как лозина; персиковые щеки, абрикосовые глаза; прямая осанка напоминает нефрит; брови как ивовые листья; маленький рот как вишня; губы как лепестки; руки как корни лотоса; тонкие пальцы как из нефрита; кожа как изо льда, кости как из нефрита и т.п.

В сказках «Тысяча и одна ночь» лексема *луна* также используется для выражения женской красоты:

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, *подобные лунам*, и сказали мне: «Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе». И я вошел в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где были всевозможные плоды, и полноводные каналы, и поющие птицы [Там же, с. 4].

«И не просидел я минуты, как вдруг окно дома, стоявшего там, где я был, открылось, и в нем показалась девушка, *подобная луне в полнолуние*, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне» [Там же, с. 5].

«И однажды мой горбатый брат сидел в лавке и шил, и он поднял голову, и увидел в окне дома женщину, *подобную восходящей луне*, которая смотрела на людей» [Там же, с. 6].

Сравнения женской красоты с луной имеют место в восточной поэзии, например, в творчестве известного татарского поэта Габдуллы Тукая (1886-1913):

«Тулган айга охшаш йөзе, башы аның,

Яңа туган айга охшаш кашы аның».

«Сөбханалла, сөбханалла» (1909) [8].

Как полная луна, лицо и голова,
Глаза ее – новорожденная луна,
И говорю: "Субханалла, субханалла!"
(Перевод В. Думаевой-Валиевой) [Там же].

Татарский поэт Г. Кандалий (1797-1860), стремясь убедительнее передать женскую красоту, нежность, находит десятки ярких определений, эпитетов, метафор, порой сверкающих экзотикой, умеет найти тонкие и пластичные рифмы для выражения чувств:

Ай гынам ла, көн генәм лә, гөл генәм,
Жан гынам ла, тән генәм лә, көн генәм!
Жәүһәрәм лә, гәүһәрәм лә, нур гынам,
Сәрвиәм лә, жәннәтем лә, хур гынам [2]!

Луна ты моя, день ты мой, цветок ты мой;
Душа ты моя, ночь ты моя, день ты мой.
Бриллиант ты мой, жемчуг ты мой, луч ты мой;
Райский цветок ты мой, рай ты мой, гурия ты моя
(Подстрочный перевод К. Габбасовой) [5].

Однако, в отличие от классической восточной литературы, в сказках «Тысяча и одна ночь» лексема *луна* является эталоном не только женской красоты, но и мужской, что уникально, поскольку противоречит универсально закреплённому представлению о луне как о символе «женскости». Здесь нужно заметить, что в произведениях восточной литературы обычно с луной сравниваются мальчики совсем юного возраста, лица которых гладкие с еле заметным пушком над губой. При этом грань между женщинами и юношами в некотором роде размыта; красота этих юношей подобна девичьей:

«И в один из дней этот мальчик сел, по обычаю, в лавке своего отца, чтобы продавать и покупать, брать и отдавать, и окружили его сыновья купцов, и стал он между ними *подобен луне среди звезд*, с блистающим лбом, румяными щеками, молодым пушком и телом, точно мрамор...» [10, с. 15]. «И был у этого купца ребенок мужского пола по имени Али-Нур ад-Дин, и был *он подобен луне...*» [Там же].

В сказках «Тысяча и одна ночь» красота (женская и мужская) описывается и в сравнении с луной в четырнадцатую ночь месяца¹:

«И эта девушка была *подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь*, и было на ней синее платье и зеленое покрывало над блистающим лбом, и ошеломляла она умы и смущала обладателей разума...» [Там же, с. 18].

«И увидела она, что это красивый юноша с чистыми щеками и стройным станом, сын четырнадцати лет, редкостно красивый, прекрасный, изящный и изнеженный, *подобный луне, когда она становится полной в ночь четырнадцатую* – с блестящим лбом, румяными щеками, шеей, точно мрамор, и зубами, как жемчуга...» [Там же, с. 15].

«И Ситт-Мариам выждала некоторое время и вернулась к окну, и, сев у окна, стала смотреть на своего господина Нур ад-Дина и вглядываться в его тонкость и нежность его свойств, и увидела она, что *он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь*, но только он вечно печален и струит слёзы, так как вспоминает о том, что минуло» [Там же].

При описании женской или мужской красоты в сказках «Тысяча и одна ночь» используется и космоним *месяц* как синоним космонима *луна* с той особенностью, что в этих контекстах внимание заостряется именно на округлости форм, а чаще с месяцем сравнивается лицо:

«И когда кончили с едою, подали вино, а потом явились десять невольниц, *подобных месяцу*, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса» [Там же, с. 6].

«...и он словно вышел из бани, и лицо его было как *месяц* – с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры» [Там же, с. 17].

В отдельных примерах раскрывается идея: женская красота вызывает переживания у лица мужского пола и пробуждает в нём любовь:

«А потом она открыла свое лицо, и я увидел, что оно *подобно месяцу*, и я посмотрел на нее взглядом, вызвавшим у меня тысячу вздохов, и любовь к ней привязалась к моему сердцу» [Там же, с. 4].

В сказках «Тысяча и одна ночь» лексема *месяц* используется и в значении «определённый промежуток времени»: «Мы ехали первый день, и второй день, и путешествовали *целый месяц*, пока не прибыли со своими товарами в один город» [Там же, с. 2].

Космоним *звезда* в сказках «Тысяча и одна ночь» отмечен в примерах в контексте астрологии. Персонажи, занимающиеся астрологией (*знал науку о звездах*), представлены врачевателями (*знал врачевание*), умными, полиглотами (*читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские*), эрудированными, богатыми знаниями о природе (*знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные*): «Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и *науку о звездах* и усвоил их правила и основы, их пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные

¹ Четырнадцатая лунная ночь – это ночь перед наступлением полнолуния.

и вредные...» [Там же]. Поэтому не удивительно, что, общаясь с таким цирюльником, один из персонажей восклицает: «Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звездах, кроме тебя...» [Там же, с. 5].

Глядя на движущиеся и неподвижные звёзды, астролог понимает многое и обобщает: «Он увидел *звёзды*, движущиеся и неподвижные, и понял, как движутся созвездия, и уразумел, каков облик суши и моря...» [Там же, с. 11]. Производя расчёт по звёздам, астрологи якобы определяют, какое несчастье может случиться с человеком («Клянусь Аллахом, – отвечал цирюльник, – если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на основании *расчёта по звёздам*» [Там же, с. 5]). Они могут *читать по звёздам*, и это якобы помогает им определить, где находится та или иная вещь: «А этот магрибинец, колдун, увидел, *читая по звездам*, что именем Ала ад-Дина заколдовано сокровище, и прикинулся его дядей, чтобы добыть желаемое» [Там же, с. 17].

Гиперболически превознося способности человека, автор сказок «Тысяча и одна ночь» указывает на невероятные не только умственные, но и физические способности человека: «...Он начальник молодцов земли иракской и может чуть что просверлить гору, *схватить звезду* и снять сурьму с глаз, и нет ему в таких делах равного» [Там же, с. 16]. Невольно приходит на память русский фразеологизм *с неба звёзд не хватает*, который трактуется в семантическом поле отсутствия таланта / способностей у человека.

В сказках «Тысяча и одна ночь» лексема *звезда* употребляется и в значении асцендента¹. Фактически речь идет об определении согласованности / несогласованности судеб двух людей на основе гороскопа: «Расскажи мне твою историю», – сказал писец; и мой брат рассказал, что с ним было, и писец сказал: «*Твоя звезда не согласуется с её звездой*, но если хочешь, я переменно тебе эту запись» [Там же, с. 6]. И посредник взял девушку и ушел от купца, говоря: «Клянусь Аллахом, я всю жизнь занимаюсь этим ремеслом, но не видел невольницы, менее вежливой, чем ты, и *звезды* для меня несчастнее, чем *твоя звезда*» [Там же, с. 9].

Употребление сочетания *падающая звезда* вызывает особый интерес, ибо в разных культурах явление падающей звезды трактуется по-разному. В данном контексте падающая звезда символизирует смерть: «Что я – очесок пакли или обрывок лохмотьев, что ты водишь меня от одного старика к другому, и оба они подобны стене, грозящей свалиться, или ифриту, сраженному *падающей звездой*...» [Там же, с. 15]. В христианстве такая же картина. В словаре символов дана такая информация: «Падающая с неба звезда означает кончину праведника. (Нужно при этом три раза сказать “Аминь!” и перекреститься.) Но в китайской астрологической традиции считается, что мудрец Лао-Дзы был зачат падающей звездой» [11, с. 183]. Таким образом, падающие звёзды являются как бы предвестниками смерти, а в других культурах – это знак, символ рождения детей. Они почитались как благовестницы и знаменовали рождение [4, с. 22].

Наконец, лексема *звезда* в контексте сказок «Тысяча и одна ночь» употребляется в тривиальном значении слабого света, сравниваемого со светом звезды: «...передо мной появился свет, светивший из маленькой щели, *точно звезда*, и он то появлялся, то скрывался» [10, с. 18].

В заключение отметим, что космонимы в сказках «Тысяча и одна ночь», используемые в прямом, переносном, мифологическом и символическом значениях, реализованы во всей полноте. Их смысловая структура как символов «многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего» [1, т. 23, с. 385]. Уникальный семантический статус имеют космонимы *луна* и *месяц*, которые используются при описании женской и мужской внешней красоты и обладают особой амбивалентностью. А космоним *звезда* раскрывается в контексте астрологии и гороскопа, составление которого было распространенным обычаем в те далёкие времена.

Список литературы

1. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. 1926. 600 с.; Т. 9. 1928. 852 с.; Т. 15. 1974. 632 с.; Т. 16. 1974. 616 с.; Т. 23. 1976. 640 с.; Т. 24. 1976. 608 с.
2. **Габделжаббар Кандалий шигрияте** [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2011/12/05/gabdelzhabbar-kandalyu-shigriyate> (дата обращения: 27.05.2016).
3. **Звезда** [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Звезда> (дата обращения: 27.05.2016).
4. **Знаки и символы** / перевод с английского и ред. И. Н. Алчеева. М.: АСТ, 2009. 351 с.
5. **Изображение природы в поэзии Габдуллы Тукая** [Электронный ресурс]. URL: http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=1064&Itemid=55 (дата обращения: 27.05.2016).
6. **Керлот Х. Э.** Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
7. **Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ):** в 14-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. Т. 3. 1340 с.
8. **Субханаллах** [Электронный ресурс]. URL: <http://bulgar-portal.ru/Субханаллах> (дата обращения: 27.05.2016).
9. **Толковый словарь русского языка** / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. Т. 2. 1938. 1040 с. Т. 4. 1940. 1502 с.
10. **Тысяча и одна ночь** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litlib.net/bk/25746/read> (дата обращения: 27.05.2016).
11. **Энциклопедия символов, знаков, эмблем (ЭСЗЭ)** / авторы-составители: В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель, 2001. 576 с.
12. **Biedermann H.** Lexikon symbolov. Bratislava: OBZOR, 1992. 373 s.

¹ Асцендент – восходящий знак, поднявшийся на восточном горизонте в момент появления человека на свет и видимый с места рождения.

**COSMONYMS *SUN*, *MOON*, *CRESCENT* IN THE SCIENTIFIC, LINGUISTIC, MYTHOLOGICAL
AND SYMBOLIC ASPECTS (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN TRANSLATION
OF THE FAIRY TALES "ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS")**

Gilemshin Fler Foatovich, Ph. D in Philology, Associate Professor
Tatarstan Academy of Sciences
Fler.Gilemshin@yandex.ru

The article gives a comprehensive analysis of the definitions of the cosmonyms *sun*, *moon*, *crescent* in the scientific, linguistic, mythological and symbolic aspects. The author also uses the frequency parameter when studying cosmonyms: the statistics of the use of a particular cosmonym in the text of fairy tales reveals the semantic accent, the priority of one cosmonym to others.

Key words and phrases: cosmonyms; sun; moon; crescent; star; full moon; heavenly body; Earth satellite; fourteenth night.

УДК 811.111'282.3

*В различные исторические эпохи английский язык характеризовался разным типом отношений между языковыми вариантами. В настоящее время налицо изменения характера отношений между вариантами английского языка в Великобритании. На фоне постепенного свертывания нормативного литературного языка происходит повышение значимости, расширение функции и усиление престижности региональных вариантов. Среди них выделяется диалект *Estuary English* (эстуарный английский), который быстро распространился среди населения Великобритании. На этом фоне встает вопрос о характере влияния диалектов на нормативный язык и, более того, вопрос о сохранении существующего английского литературного языка как такового. Целью данной статьи является характеристика основных черт диалекта *Estuary English* и определение его роли на современном этапе развития английского языка.*

Ключевые слова и фразы: социально-территориальный диалект; *Estuary English* (эстуарный английский язык); языковой вариант; акцент; произносительная норма *Received Pronunciation* (нормативное произношение); гортанная смычка; вокализация; аллофон.

Гололобова Наиля Ирековна
Баклашова Татьяна Александровна, к. пед. н.
Казанский федеральный университет
ach_nailya@mail.ru; ptatyana2011@mail.ru

**ДИАЛЕКТ *ESTUARY ENGLISH* И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА НОРМАТИВНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Диалект *Estuary English* (EE) занимает видное место в новейшей истории развития социально-территориальных диалектов. О степени его значимости и широкого распространения говорит тот факт, что обосновываются точки зрения, согласно которым данный диалект мог претендовать на место литературной нормы современного английского языка. Название данному феномену впервые дал Дэйвид Роузворн (David Roserwane) в своей статье, напечатанной в 1984 году в "Times Educational Supplement". Он определил EE как «разновидность измененного территориального диалекта; смешение норм территориально-нейтрального и южно-восточного английского произношения и интонации» [14]. Следующей крупной публикацией по этой теме стала книга Пола Когла "Do You Speak Estuary?" (Говорите ли Вы на Эстуарном английском языке) (1993), которая представляет собой достаточно подробное изучение данного феномена и была предназначена широкому кругу читателей [8].

В течение долгого времени работы Роузворна и Когла оставались единственными серьезными публикациями, посвященными данному вопросу. В свет вышли несколько работ таких авторов, как Баттарби (Battarbee), Кершвилл (Kerswill), Кольмир (Kuhlmyr), Шоенбергер (Schoenberger), однако в данных работах содержится лишь перечисление черт, названных Роузворном, без каких-либо собственных комментариев. Исключение составляют работы Джона Уэллса [19; 20] и Майдмента [13], в которых подробно раскрывается данный вопрос.

Вслед за ними этот диалект очень широко обсуждался в публицистике, так как тема, касающаяся языкового стандарта, являлась очень популярной. Практически во всех ведущих изданиях Великобритании, а также в иностранных изданиях (*New York Times*, *South China Morning Post*) были опубликованы одна-две статьи о данном диалекте за несколько лет.

После появления большого количества публикаций данный термин широко обсуждался как журналистами, интересующимися вопросами языка, так и профессиональными лингвистами. Развернулась острая полемика между Роузворном и его сторонниками, которые считали EE действительно новым явлением в диалектной картине Великобритании, и теми, кто рассматривал этот термин как попытку обобщить все многочисленные явления, происходящие в литературном языке. Тем не менее, данный термин был закреплен в многочисленных трудах по лингвистике. Кроме названных работ, описание этого термина содержится и в известной «Кембриджской